

МРНТИ 17.09.91

<https://doi.org/10.26577/EJPh2033202619>**К.Б. Уразаева¹ , Т.Н. Туржанова^{2*} **¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан²Евразийский гуманитарный институт им. А.К. Кусайнова, Астана, Казахстан*e-mail: tturzhanova@gmail.com

«ДРУГОЙ» СВИДРИГАЙЛОВА В РОМАНЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ, ДВОЙНИЧЕСТВО, ПОЛИФОНИЗМ

Статья посвящена решению загадки Свидригайлова и проблеме двойника как основы нового понимания амбивалентности, двойничества и полифонизма Ф. Достоевского. Концепция работы построена на анализе «Другого» Свидригайлова и множественности его проявлений. Отношение Свидригайлова к теории Раскольникова и сопоставление героев в аспекте формулы Достоевского о русской идентичности как контекста двойничества выявляют различия между героями. Исследование Америки как «Другого» Свидригайлова связано с темой смерти и самоубийства героя и охарактеризовано с позиций трансгрессии.

Методология работы базируется на использовании аксиологического метода, выявляющего связь между духовно-философскими и культурными концептами. Структурно-семиотический метод направлен на классификацию множественных проявлений «Другого» Свидригайлова, доказывающих амбивалентность и двойничество героя, полифонизм писателя. Герменевтический подход способствует трактовке своеобразия метода писателя и русского реализма.

Полученные результаты вносят ясность в загадку Свидригайлова и решение проблемы двойника с позиции трансгрессии и странничества. Их влияние на смыслопорождение романа, а именно возможность духовного воскресения преступника показывает неспособность Свидригайлова к духовному воскресению. Проявление «Другого» Свидригайлова в оценках преступления и идентичности показывает невозможность для героя восстановления утраченной духовной целостности. Проявление «Другого» Свидригайлова в американском сюжете и его полифонической структуре поднимает тему самоубийства как метафоры вечности и метафизической реальности. Оценка самоубийства Свидригайлова как трансгрессии отражает его двойничество как альтернативу Раскольникову.

Ключевые слова: загадка Свидригайлова, двойник, трансгрессия, скитальчество, реализм.

K.B. Urazayeva¹, T.N. Turzhanova^{2*}¹L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan²A.K. Kussayinov Eurasian Humanities Institute, Astana, Kazakhstan*e-mail: tturzhanova@gmail.com

The “Other” of Svidrigailov in Fyodor Dostoevsky’s Novel Crime and Punishment: Ambivalence, Doubleness, Polyphony

The article is devoted to resolving the enigma of Svidrigailov and to the problem of the double as the basis for a new understanding of ambivalence, doubleness, and polyphony in Fyodor Dostoevsky’s works. The conceptual framework of the study is built on an analysis of Svidrigailov’s “Other” and the multiplicity of its manifestations. Svidrigailov’s attitude toward Raskolnikov’s theory, as well as their comparison through Dostoevsky’s formula of Russian identity as a context of doubleness, reveals the differences between the two heroes. America as Svidrigailov’s “Other” is connected with the theme of the character’s death and suicide and is interpreted from the perspective of transgression.

The methodology of the study is based on the use of the axiological method, which reveals the connection between spiritual-philosophical and cultural concepts. The structural-semiotic method is aimed at classifying the multiple manifestations of Svidrigailov’s “Other”, which demonstrate the character’s ambivalence and doubleness, as well as the writer’s polyphony. The hermeneutic approach contributes to the interpretation of the distinctive features of the writer’s method and of Russian realism.

The results obtained clarify the enigma of Svidrigailov and offer a solution to the problem of the double from the perspective of transgression and wandering. Their impact on the generation of meaning in the novel, namely the possibility of the criminal’s spiritual resurrection, demonstrates Svidrigailov’s incapacity for spiritual rebirth. The manifestation of Svidrigailov’s “Other” in evaluations of crime and

identity reveals the impossibility of restoring the lost spiritual integrity of the character. The manifestation of Svidrigailov's "Other" in the American plotline and its polyphonic structure raises the theme of suicide as a metaphor for eternity and metaphysical reality. The interpretation of Svidrigailov's suicide as transgression reflects his doubleness as an alternative to Raskolnikov.

Keywords: Svidrigailov's enigma, the double, transgression, wandering, realism.

К.Б. Уразаева¹, Т.Н. Туржанова^{2*}

¹А. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

²А.К. Құсайынов атындағы Еуразия гуманитарлық институты, Астана, Қазақстан

*e-mail: tturzhanova@gmail.com

**Ф. Достоевскийдің «Қылмыс пен жаза» романындағы
Свидригайловтың «Басқасы»: амбиваленттілік, егіздік, полифонизм**

Мақала Свидригайлов жұмбағын шешуге және Ф. Достоевский шығармашылығындағы амбиваленттілік, егіздік және полифонизмді жаңаша түсінудің негізі ретіндегі «егіз» мәселесіне арналған. Зерттеу тұжырымдамасы Свидригайловтың «Басқасын» және оның көріністерінің көптірлігін талдауға негізделген. Свидригайловтың Раскольников теориясына қатынасы мен оларды Достоевскийдің орыс болмысы туралы формуласы аясында, егіздік контекстінде салыстыру осы кейіпкерлердің айырмашылығын айқындайды. Америка Свидригайловтың «Басқасы» ретінде кейіпкердің өлімі мен суицид тақырыбы аясында қарастырылып, трансгрессия тұрғысынан сипатталады.

Зерттеу әдіснамасы рухани-философиялық және мәдени концептілер арасындағы байланысты ашатын аксиологиялық әдіске негізделген. Құрылымдық-семиотикалық әдіс Свидригайловтың «Басқасының» көптірлі көріністерін жіктеуге бағытталған, бұл кейіпкердің амбиваленттілігі мен егіздігін, жазушының полифонизмін дәлелдейді. Герменевтикалық тәсіл жазушы әдісінің және орыс реализмі табиғатының өзіндік ерекшелігін түсіндіруге мүмкіндік береді.

Алынған нәтижелер трансгрессия мен кезбелік тұрғысынан Свидригайлов жұмбағын және егіз мәселесін шешуге айқындық енгізеді. Олардың романның мағына тудыру жүйесіне ықпалы, атап айтқанда қылмыскердің рухани қайта тірілу мүмкіндігі, Свидригайловтың рухани қайта жаңғыруға қабілетсіз екенін көрсетеді. Свидригайловтың «Басқасының» қылмыс пен болмысқа қатысты бағалауларда көрінуі кейіпкер үшін жоғалтқан рухани тұтастықты қалпына келтірудің мүмкін еместігін аңғартады. Свидригайловтың «Басқасының» америкалық сюжетте және оның полифониялық құрылымында көрініс табуы суицид тақырыбын мәңгіліктің және метафизикалық шындықтың метафорасы ретінде көтереді. Свидригайловтың суицидін трансгрессия ретінде бағалау оның Раскольниковқа балама ретіндегі егіздік сипатын ашады.

Түйін сөздер: Свидригайлов жұмбағы, егіз, трансгрессия, кезбелік, реализм.

Введение

Одним из загадочных героев в романе Ф. Достоевского является Свидригайлов. Образ привлекает внимание исследователей в связи с его сопоставлением в черновых вариантах и в финальной версии романа, отношением к проблеме «Свидригайлов – двойник Раскольникова». Сопоставление героев, анализ высказываний Свидригайлова, его взглядов на преступление, самоубийство и темы эмиграции носят разрозненный характер. Между тем целостный взгляд на образ Свидригайлова в ключе двойственности героя, вопроса двойника, загадки образа, тем Америки, смерти, самоубийства и скитальчества позволяет обосновать новый взгляд на установившиеся со времен М. Бахтина представления о поэтике Достоевского, касающиеся амбивалентности, двойничества, полифонизма и связанные, главным образом, с Раскольниковым.

Актуальность темы определяется внесением ясности в спорные вопросы, направленные на разрешение загадки Свидригайлова и проблемы двойника. Система самопризнаний героя, его взглядов на ключевые для романа философские понятия, авторская позиция поднимают проблему «Другого» Свидригайлова, не становившуюся предметом специального рассмотрения.

Теоретическая значимость проблемы обусловлена изучением поэтики писателя в аспекте амбивалентности, двойничества и полифонизма как факторов русского реализма. Практическая ценность работы состоит в использовании полученных результатов для понимания метода Достоевского и его новаторства. Объект изучения роман «Преступление и наказание». Предмет исследования – амбивалентность, двойничество, полифонизм, категория «Другого».

Цель исследования – обосновать новое понимание амбивалентности и двойничества в

романе, полифонизма Достоевского с позиции множественности «Другого» Свидригайлова. Достижение данной цели помогает обозначить отношение к загадке Свидригайлова и проблеме двойника. Задачи направлены на выявление множественности «Другого» Свидригайлова: 1) в системе восприятия его участниками событий, автопризнаний, авторской позиции, феномена духовного странничества и Иов-ситуации, 2) в контексте оценок самоубийцей теории Раскольникова и русской идентичности, 3) с позиций Америки как «Другого» Свидригайлова, 4) рассмотрения темы смерти и самоубийства героя, 5) объяснение загадки Свидригайлова и проблемы двойника в духе трансгрессии, 6) обобщение поэтики двойничества героя в изображении писателя.

Материалы и методы

Достоверность приведенных выводов обеспечивается материалами, охватывающими отношение ученых к загадке Свидригайлова, проблеме двойника, теме Америки и самоубийства героя, скитальчеству. Степень изученности проблемы характеризуется расхождением исследователей в рассматриваемых вопросах и их разрозненности, сохраняющейся загадкой Свидригайлова, неопределенностью в вопросе двойника и прямолинейном толковании двойничества.

Основным вопросом исследования является классификация «Другого» Свидригайлова. В настоящей работе выдвинута гипотеза: систематизация «Другого» Свидригайлова и множественности проявлений «Другого» героя расширяет представление об амбивалентности, двойничестве и полифонизме и содержит ответ на спорные вопросы. Этапы исследования: осуществлен обзор литературы и обобщены спорные вопросы, касающиеся образа Свидригайлова и двойника, американского текста и скитальчества, смерти героя и философии ухода из жизни, проведен анализ множественности проявлений «Другого», сделаны выводы, касающиеся нового понимания амбивалентности, двойничества и полифонизма.

Достоверность полученных данных обеспечена использованием ряда методов. Аксиологический метод, построенный на применении концептов странничества, показал конфликт между верой Раскольникова и безверием Свидригайлова, неспособность самоубийцы к духовному исцелению и воскресению, обозначив различия героев, которые проясняют загадку

образа и решают проблему двойника. Использование структурно-семиотического метода привело к разработке множественных проявлений «Другого» Свидригайлова, раскрывающих амбивалентность и двойничество героя, отражающих специфику полифонизма. Применение герменевтического метода позволило обосновать новое понимание амбивалентности, двойничества, полифонизма как свойств поэтики Достоевского и его новаторства в исканиях реализма.

Обзор литературы

Анализ спорных вопросов науки, касающихся проблемы двойника, двойничества и загадки Свидригайлова, тем Америки, смерти, самоубийства героя и скитальчества, способствует выработке новых принципов трактовки амбивалентности героя, двойничества в романе и полифонизма писателя.

Одна из наиболее разработанных проблем касается двойника. Вопрос «Свидригайлов – двойник Раскольникова» поднял в начале XX в. К. Мочульский. Включив один ряд героев Достоевского – Свидригайлова, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова по причине преследующих их кошмаров – критик отметил изображение писателем мистической реальности как подлинного бытия, или онтологической основы бытия (Мочульский, 1980, с. 5). В отличие от современных ученых, Мочульский называет двух мистических спутников Раскольникова – Соню и Свидригайлова, при этом второй – «чорт» преступника. Различие между героями критик видит в том, что Свидригайлов свободнее и смелее Раскольникова и доходит до конца и в последовательности героя, для которого «добро и зло – относительны, все позволено – все безразлично. Остается только мировая скука и пошлость» (Мочульский, 1980, с. 251). Перечисляя добрые деяния Свидригайлова, критик усматривает в его поступках испытание свободы во зле, которой не находит предела. Главное отличие героя от Раскольникова состоит в сладострастии, ставшем причиной сплетен и слухов о совершенных им преступлениях, поэтому Свидригайлов «его темный двойник; он порожден кошмаром героя» (Мочульский, 1980, с. 251). Называя «чортом» Свидригайлова, Мочульский имеет в виду воплощенное сомнение в себе сильного человека.

Похожий взгляд на проблему двойничества героев обосновал Р. Назиров, выдвинув мысль о странном превосходстве Свидригайлова над Раскольниковым, вытеснении в двух главах романа

главного героя самоубийцей (2021), Насмешки оппонента над «шиллеровщиной» студента объясняют стремление Раскольникова найти духовную опору в лице Сони после известия о самоубийстве Свидригайлова. Двойственность Свидригайлова Назиров видит в страхе перед безумием и одиночеством.

На ложность буквального понимания двойничества указывают и другие современные ученые. Одной из первых точку зрения на Свидригайлова как идеологического двойника Раскольникова пересмотрела Т.А. Касаткина (2003). Х. Манолакев приводит тезис Т. Касаткиной о прозрении Свидригайлова, когда «вдруг возрождается ценность целомудрия», и мнение Р. Поддубной об «отсутствующей вине», «возрожденной ценности целомудренности» (Манолакев, 2007, с. 177). Приведенным мнениям, которые не объясняют решение Свидригайлова о самоубийстве, болгарский ученый возражает, рассматривая судьбу Свидригайлова в контексте «лишнего человека». Исследователь обращает внимание на онтологическое сомнение Свидригайлова (для героя не существует абсолютных ценностей). Иронический скепсис героя символизирует его неверие и утрату им веры. Манолакев объясняет появление Свидригайлова тем, чтобы «спровоцировать верование, заставить усомниться в нем и поколебать его как цель и необходимость» (2007, с. 162). В таком случае для ученого очевидно главное различие героев: понимании преступником природы своего неверия и безверие Свидригайлова. Еще один аргумент Манолакева оппозиция «тело – душа»: искушение Свидригайлова физической красотой Дуни и открытие Раскольниковым духовной чистоты Сони. Характеристика Свидригайлова как «лишнего человека» начала 60-х годов, или семантической парафразы Печорина строится исследователем как признаков «высокого» романтического героя, оппозиции «ангел – демон». В противопоставлении героев для ученого значимы и видения Свидригайлова, когда герой обнаруживает свою пустоту. Прозрение Свидригайлова ученый видит в осознании того, что невозможно обмануть себя самого. И тогда им утрачивается смысл собственного существования.

Проблема Свидригайлова как двойника Раскольникова привела к загадке героя, которая описывалась В. Лодзинским как «тайна Свидригайлова» (1992), Б. Тихомировым как «шарм Свидригайлова» (2011). Размышления о шарме героя основаны на сравнении подготовительных материалов к роману и окончательной редакции.

Проблема двойника вызвала полемику ученых о загадке Свидригайлова.

Спорные вопросы обусловлены пониманием двойничества и недостаточным вниманием к самостоятельному значению героя вне идеи главного героя, по мнению Р. Назирова (2021). Поставив проблему загадки Свидригайлова, Р. Назиров полемизировал с английским критиком, видевшего главного героя в Свидригайлове. По мнению российского ученого, отсутствие метафизической одержимости Раскольникова не дает его двойнику стать главным героем и дорастать до Ставрогина. Загадку Свидригайлова, которая делает его главным героем в двух последних главах романа, Назиров видит в видениях и преследующих его образах жертв. Трагическую сущность Свидригайлова Назиров объясняет типичным для русской литературы пониманием человека – «искалеченной совестью», когда «в душе даже самого закоренелого преступника, самого прожжённого циника какая-то граница, неизвестная ему самому, которую он не смеет переступить» (Назиров, 2021). Поэтому он и называет двух героев нравственными калеками, ищущими опоры друг в друге. Пробуждение «одичалой совести» ученый усматривает в иронии Свидригайлова над шиллеровщиной Раскольникова. В этом свете и самоубийство героя предстает как «глубокое и возвышенное чувство» (Назиров, 2021).

Проблема загадки Свидригайлова стала предметом полемики Ю. Халфина и Ю. Лукина. Лукин видит загадку героя в его «определённости», отличающей его от других, а сложность – в совмещении черт Ставрогина и Верховенского, Кириллова и Рогожина, Дмитрия Карамазова и Смердякова (2006, с. 28). Указывая на невозможность объективного рассмотрения образа вне опоры на христианскую символику, допуская оценку добрых дел Свидригайлова как циничных, вызванных «глумливым желанием восторжествовать над действительностью, пародируя волю провидения» (Лукин, 2006, с. 28), ученый отмечает вместе с тем способность героя к воле, в отличие от Сони. Надежда на милосердие и жалость Дуни – надежда на чудо. Поскольку эта надежда иллюзорна, то и самоубийство становится бегством от жизни. Точке зрения Лукина Хальфин противопоставил понимание двойника Раскольникова как его чërта, пародии и комментария автора на теорию Раскольникова (2006, с. 17). Выводы Лукина о Свидригайлове как двойнике Мармеладова: оба они бунтуют – один против жены (1980), другой против миро-

устройства – Халфин находит парадоксальными: раз по логике Раскольникова Мармеладов – подлец (поскольку примирился с семейной ситуацией), то взбунтовавшийся Свидригайлов вовсе и не подлец. Халфин видит в мнении оппонента противоречие с романом и мыслью автора.

Еще одна проблема, которая касается Свидригайлова, двойника и двойничества, это Америка. По мнению Л. Сараскиной, Америка не являлась для автора романа ни страной чудес, не включалась в образ Запада (2010, с. 146). Г. Кибальник, напротив, включает образ Америки в отношение писателя к Западу (2021). В. Габдулина пишет об отношении писателя к Америке как символу смерти (2006). Выражение «уехать в Америку» в романе показывает ее условность в географическом отношении. Альтернатива эмиграции отмечена Манолакевым: «Швейцария», «Америка», «Северный полюс», «наверх к небу» – топосы путешествия, лишенные географической определенности, но наделенные семиотическим статусом» (2007, с. 175). Роли американского текста в сюжетообразовании романа, влиянию почвенничества 60-х годов, критики европеизированной интеллигенции и ее стремления к эмиграции как отказу от «почвы» посвящена статья У. Байтуриной (2025).

Американский текст в романе соотносят часто с самоубийством Свидригайлова. Мочульский писал: «Сверхчеловеку нечего делать среди людей. Его сила не находит себе точки приложения и истребляет сама себя» (1980, с. 251). Однако современные ученые придерживаются другой точки зрения. О ментальном, духовном тупике героя, об Америке как перифразе решения о самоубийстве пишет китайский ученый (Вэньин, 2016, с. 432). Как «сознательный шаг в небытие» в свете архетипической природы романа и евангельского кода интерпретирует самоубийство героя В. Габдулина (2006, с. 44).

Осмысление самоубийства у пожарной каланчи как конфликта неверующего Свидригайлова с евреем – человеком другой веры – и несостоявшегося путешествия в Америку открывает для ученого ее связь с именем героя «...эта новая Аркадия – бесовская земля, земля настоящего Бога» (Манолакев, 2007, с. 182). Ученый считает, что самоубийство героя есть способ проверки существования вечности: «...если нет, ему нечего бояться» (Манолакев, 2007: 182). Сербский ученый Л. Милентиевич в американском сюжете Свидригайлова и признании: «Я, брат, еду в чужие края» – открывает метафизику, смысл

которой не исчерпывается христианским пониманием (2023). Основой двойничества Свидригайлова являются «разные по аксиологической направленности порывы, жизнеутверждающие и жизнеотрицающие поступки», отсюда «инаковость» и «потусторонность» Свидригайлова, которая постепенно переносится и на Раскольникова (Милентиевич, 2023, с. 243).

Важный для понимания двойничества и загадки Свидригайлова вопрос касается феномена странничества. На обусловленность феномена антиамериканизма в романе национальным образом мира и метафизическим опытом русского странничества обратил внимание А. Ренанский (2015). Мысль ученого о характерности для мировоззрения Достоевского и его образа Америки противопоставления своего мира-космоса миру окружающему как миру-хаоса (Ренанский, 2015, с. 259) вписывается в раздвоение Свидригайлова. Установленный Ренанским архетип дороги и странствия, разъятость мира на свой и чужой, а также связь мифологического образа мира с чертом и фольклорными мотивами черта в образе странника (Ренанский, 2015, с. 272) объясняют роль Америки как демонически-фарсовой антиутопии как отрицания идеи свободы у Достоевского. Для писателя это понятие исключительно метафизическое, а для православно-христианской аксиологии она обладает низкой ценностной значимостью, когда свободе противопоставляется воля, Благодать.

О корреляции образа Свидригайлова с образом «русского скитальца» пишет Байтурина (2025). На основе исследования топонимов в романе исследователь показала, что сюжет строится не только вокруг нравственного кризиса отдельного героя, но и вокруг глобальной философской проблемы – столкновения западных и русских ценностей, духовного выбора между возрождением и гибелью (Байтурина, 2025). В изучении странничества интересен и духовный ономастикон. Этимологию имени героя – Аркадий – болгарский ученый соотносит с мечтой о рае как мечте о перемене» (Манолакев, 2007, с. 175).

Интерес к феномену странничества в связи с поисками идентичности обоснован в трудах таких философов, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, С.Н. Трубецкой, Л.И. Шестов, В.Ф. Эрн. Н. Бердяев определил понятие: «Величие русского народа и призванность его к высшей жизни» и типом странника как сво-

бодного духом человека, ищущего невидимого града. Странники стали героями Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, М. Горького А.П. Чехова. Как правило, странники находят освобождение в смерти. О феномене странничества как архетипе русской словесной культуры, России как стране странничества и искания Божьей правды, национальной философской и литературной традиции пишет современный исследователь (Фаленкова, 2011). При установлении связи Древнерусского сознания и православной традиции исследователь выделяет три момента: скитальчество, подвижничество, странничество. Так, обзор трудов, плодотворных для заявленной темы, наводит на мысль о новом понимании амбивалентности и двойничества, «Другого» в поэтике Достоевского с позиций американского текста и феномена скитальчества как ответа на вопрос о загадке Свидригайлова и проблеме двойника.

Важной категорией, объясняющей смысл двойничества, является понятие «Другого». Обзор «Другого» в поэтике Достоевского выявляет разные подходы к изучению. Первое появление «Другого» у Достоевского в романе «Бедные люди» О. Ковалев определяет как неприятие взгляда «Другого», дифференциацию и отождествление своего и чужого, условие восстановления целостности (Ковалев, 2006, с. 157). О роли ближнего как «Другого», необходимого для полноты бытия субъекта, пишет Н. Рябчинский: «...отчуждение от своего ближнего, который вследствие отчуждения становится Другим» (Рябчинский, 2021: 129). Рассматривает «Другого» в корреляции с ницшевской рецепцией и идеей богоискательства О. Мастюгина (2009, с. 288-290; 2012, с. 21-25). Другому в публицистике Ф. Достоевского с позиций права на свой, национальный способ жизни, в оппозиции концептов «свои» (мир своих – русских) и «другие» (мир чужих – европейцев) посвящена статья В. Меринова (2010, с. 107-118). Множественность проявлений «Другого» Свидригайлова и их классификация позволяет обосновать тезис об амбивалентности героя и подтвердить бахтинское положение о полифонизме, означающем самостоятельность каждого из героев в романе вне роли Раскольникова.

Результаты и обсуждение

Два вопроса: Раскольникова «А вы могли бы застрелиться?» и Свидригайлова: «А <...> верите вы в привидения?» – стали для болгарского

ученого объяснением позиции Достоевского в споре о герое 60-х годов, в том числе с Чернышевским (Манолакев, 2007). Именно этот спор, по мнению ученого, объясняет роль Свидригайлова в романе. В двух выборах Раскольникова – проверке теории посредством преступления и открытии им веры в Бога – проясняется для Х. Манолакева значение образа самоубийцы – как подтверждение ненужности «лишнего человека» для России и его опасности. Б. Тихомиров на основе сопоставления первоначальных набросков писателя с окончательным текстом романа пришел к мнению об эволюции образа: «несравненно более масштабная, интеллектуально более мощная, этически и психологически более противоречивая личность» (2011, с. 146).

Ответить на споры о загадке Свидригайлова, выразить отношение к проблеме «Свидригайлов – двойник Раскольникова» можно путем анализа двойничества с позиции вопроса об «Америке Свидригайлова» и ее связи с философией и самоубийством героя. Рассмотрение «Другого» Свидригайлова и множественности проявлений «Другого» позволяет охарактеризовать амбивалентность героя, его двойничество в романе, полифонизм метода автора. Направления анализа построены на восприятии его участниками событий, автопризнаниях героя и авторской позиции, эксплицитных и имплицитных приемах изображения.

Загадка Свидригайлова вызвала у современного ученого вопрос: «Не является ли Свидригайлов тем новым типом европейца, который Г. Гессе назвал богодьяволом и которого увидел именно в героях Достоевского, в которых внешнее и внутреннее, добро и зло, Бог и сатана неразрывно слиты» (Юрьева, 2022, с. 208). Отсюда объяснение ученым игры Свидригайлова как метода житнетворчества, мимикрии, обмана, фантазии как слагаемых онтологии игры (Юрьева, 2022, с. 203).

Думается, что объяснение загадки Свидригайлова кроется в восприятии его другими. Обычно одни исследователи приводят слова Лукина: «*Это самый развращенный и погибший в пороках человек, из всех подобного рода людей! ... уголовное дело, с примесью зверского и, так сказать, фантастического душегубства, за которое он весьма мог бы прогуляться в Сибирь*» (Достоевский, 2008, с. 243) и: «...он человек хитрый и обольстительный насчет дам, чему плачевным примером служит Марфа Петровна, так странно умершая» (Достоевский, 2008,

с. 244). Другие ученые, указывая на сцену, когда Лужин хотел выставить Соню воровкой, подвергают сомнению слова знакомого Свидригайлова. Дуня в разговоре с Лужиным высказалась о Свидригайлове: *«А он при мне хорошо обходился с людьми, и люди его даже любили, хотя и действительно тоже винили его в смерти Филиппа»*. Тут же уточняет: *«...я слышала только какую-то очень странную историю, что этот Филипп был какой-то ипохондрик, какой-то домашний философ, люди говорили” зачитался“, и что удавился он более от насмешек, а не от побоев господина Свидригайлова»* (Достоевский, 2008, с. 243-244). Однако Дуня приводит слухи, которые обладают субъективной оценочностью. Мнение Раскольникова: *«...развратный, низкий, сладострастный человек!»* – тоже не может претендовать на достоверность и воспринимается эмоциональным и неприятным осознанием Свидригайлова двойником. Восприятие самоубийцы преступником исследователь определяет в характеристиках «сумасшедшего» и «странного человека», «пустейшего и ничтожнейшего злодея» (Манолакев, 2007, с. 162). На наш взгляд, множественность несовпадающих взглядов можно охарактеризовать понятием «трансгрессия», активно используемым философами в смысле деструкции высшего и сакрального: «парадоксальным образом трансгрессия может служить и путем к утверждению высших ценностей» (Фаритов, 2017, с. 62). Плодотворной представляется и идея о смыслопорождающем значении трансгрессии, различении и соотносении смысловой и символической сфер (Смирнов, 2023, с. 36-43). Так проявляется «Другой» Свидригайлова.

Возможность решения загадки героя кроется и в рассмотрении судьбы Свидригайлова в аспекте духовного феномена странничества и в совокупности концептов «падение», «преображение», «воскресение», с одной стороны, праведности человека в разрезе Иов-ситуации, с другой. Предстоящий карточным шулером, развратником, циником, альфонсом, над которым висит дамоклов меч долговой расписки, преследующие героя слухи о доведении до самоубийства слуги Филиппа, глухонемой девочки, Марфы Петровны – все это позволяет судить об авторском образе Свидригайлова как человеке, пережившем неоднократно падение. Возможность преобразования потенциально, казалось бы, скрыта в благих делах героя: это оплата похорон и поминок Мармеладова, обеспечение сирот

Мармеладовых после смерти родителей, три тысячи рублей на дорогу Сони в Сибирь вслед за Раскольниковым. Манолакев называет поступки героя неявным добром и «амбивалентным» расставанием Свидригайлова с земным: *«...он дарит не из любви, а чтобы запомнили его благодаря этому жесту»* (2007, с. 174).

Значимы также авторефлексия, или самопризнания героя: *«...Не привилегию же я взял, на самом деле, творить одно только злое!»* и *«Разум-то ведь страсти служит; я, пожалуй, себя еще больше губил, помилуйте!»* (Достоевский, 2008, с. 230). Вспоминая Фильку, Свидригайлов кается: *«Хотел было панихиду по нем отслужить, да посоветился»* (Достоевский, 2008, с. 235). В сцене с видением девочки в гробу автор имплицитно передает осуждение героя, взывая к милосердию при описании жертвы: *«Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы»* (Достоевский, 2008, с. 415). Однако эксплицитированные в видении героя ощущения передают его чувство вины.

Следует отметить в загадке Свидригайлова и призыв героя к состраданию: *«...изверг ли я или сам жертва? Ну а как жертва?»* (Достоевский, 2008, с. 230) или *«А вы уж думали, я такой изверг, ретроград, крепостник?»* (Достоевский, 2008, с. 231). В откровениях с Дуней герой коснулся своей «психологической странности»: *«Давеча я, оправдывая свою любовь к Авдотье Романовне, говорил, что был сам жертвой. Ну, так знайте же, что никакой я теперь любви не ощущаю, н-никакой, так что мне самому даже странно это, потому что я ведь действительно нечто ощущал»* (Достоевский, 2008, с. 237). Эта двойственность героя в сопоставлении с Раскольниковым и его верой в Христа показывает неспособность Свидригайлова к раскаянию и покаянию в религиозном смысле, что лишает видеть в нем человека верующего и выявляет иллюзорность восприятия его как жертвы. Значение жертвы предполагает насилие извне, фактического подтверждения чему в романе нет.

Отношение героя к насилию стало для ученого выявлением «веры любви» в героя, «мистической» основы любви» (Милентиевич, 2023, с. 251). Эта мысль логична в свете признаний Свидригайлова в черновых набросках романа о неспособности любить.

Еще один интересный момент, проливающий свет на полемику ученых о загадке Свидригайлова, содержит работа К. Шахназаряна, построенная на антропоцентрическом подходе и сценарном принципе изучения эмоций (методика Ю.Д. Апресяна). Анализ негативных эмоций стал основанием для утверждения ученого: сценарии для героев романа создаются через ключевое в мировоззрении писателя понятие «страдание» (Шахназарян, 2014). Однако автор романа не оставляет иллюзий о страдании героя, постоянно «корректируя» возможность двойственного его восприятия как следствие противоположных взглядов Свидригайлова на нравственные понятия. Например, циничная сущность героя передана в жестовой психологии: *«Плутовская улыбка показалась на лице Свидригайлова и все более расширялась. И тот и другой знали, что оба видят и наблюдают друг друга. Наконец, Свидригайлов громко расхохотался»* (Достоевский, 2008, с. 378).

Ответ на вопрос о загадке Свидригайлова можно получить, применив понятие «Иов-ситуации» как испытания человека на истинную праведность. И тут признание героя: *«Да ведь я ничьим мнением особенно не интересуюсь, ... а потому отчего же и не побывать пошлаком, когда это платье в нашем климате так удобно носить и... и особенно если к тому и натуральную склонность имеешь»* (Достоевский, 2008, с. 232) – поворачивает его предложение выкупить Дуню прагматизмом: не уступить ее сопернику Лужину. Причем понятие «совесть» в следующем контексте: *«Второе: совесть моя совершенно покойна ... сделать для нее что-нибудь выгодное, на том основании, что не привилегию же в самом деле взял я делать одно только злое. Говоря это, Свидригайлов был сам чрезвычайно хладнокровен и спокоен»* (Достоевский, 2008, с. 238) – открыто облачается в циничное и самодовольное превосходство. Он может себе позволить выгодное. А «выгода» не согласуется с «совестью». Более того, сознание в мрачной сущности и циничное признание: *«А я ведь человек мрачный, скучный. ... вреда не делаю»* (Достоевский, 2008, с. 391) и: *«... люблю клоаки именно с грязнотой»* (Достоевский, 2008, с. 393) – также снимают покров возможного оправдания с героя.

Показательны в двойничестве и Другом Свидригайлова эпизоды трех шепотов – мыши, утопленницы, Камелии, вызывающие у героя чувство мистического ужаса и необъяснимого

страха. Они показывают страх героя перед возмездием и расплатой за совершенные грехи, его начинающееся безумие, раздвоение личности. Откровенный разговор с Дуней, в согласии которой на совместную эмиграцию Свидригайлов видит возможность спасения: *«Все это от вас зависит, от вас, от вас одной, – начал он с сверкающими глазами, почти шепотом, сбиваясь и даже не выговаривая иных слов от волнения»* (Достоевский, 2008, с. 403) – в детали «сверкающие глаза» – показывает неспособность героя к смирению, а ведь кротость и смирение, смиренномудрие – проявления праведности. Здесь проявлена типичная для Свидригайлова страсть к обладанию душой и жизнью другого человека. Так обнаруживается дьявольское начало в натуре Свидригайлова. Поэтому возможность умереть от выстрела Дуни герой воспринимает с облегчением: кто-то другой решит за него его же участь.

Рассказы Свидригайлова о его видениях и циничные откровения в разговорах с Раскольниковым открывают для студента парадоксальную правду: его визави боится смерти: *«... боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней»* (Достоевский, 2008, с. 384). Самоубийца видит в этом страхе «непростительную слабость». Мистический страх смерти герой воспринимает как возмездие жертв. Страх перед расплатой за греховные поступки лишает героя способности к покаянию и раскаянию, т.е. лишает его духовной целостности, являет его эгоцентризм. И на этом этапе прерывается возможность воскресения героя как условие духовного преображения человека. Самоубийство – единственный путь определения отношений героя с жизнью и миром, но и тяжкий грех. Так завершается цепь хождений, за которыми не проступает поиск истины или стремление к духовному спасению. Поэтому допущения исследователей, приподнимающих героя над действительностью и усматривающих в нем признаки духовного исцеления, представляются недостаточно обоснованными. Странничество в совокупности понятий «падение», «преображение», «воскресение и движение к совершенству», а также в синтезе с подвижничеством не только является разрешением загадки Свидригайлова, но и проливает свет на проблему «Свидригайлов – двойник Раскольникова». Неслучайно студент признается Разумихину: *«Не знаю почему, я этого человека очень боюсь... Он очень странный и на что-то решил... Он как будто что-то знает...»* (Достоевский, 2008, с.

240). Здесь не страх преступника перед возможным разоблачением, а страх увидеть кривое отражение в Свидригайлове ошибочности теории.

Наиболее последовательно отношение к проблеме «Свидригайлов – двойник Раскольникова» в аспекте «Другого» выражается в мнении самоубийцы о теории Раскольникова. Так обнаруживается новый контекст двойничества в романе, связанный с образом Свидригайлова, проясняется отношение к проблеме о двойнике. В разговоре с Дуней: *...единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша. Единственное зло и сто добрых дел!»* (Достоевский, 2008, с. 401) – знак солидарности, казалось бы, с Раскольниковым. Но далее: *«А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе перетачил. Большою шельмой может быть со временем, когда вздор повыскочит, а теперь слишком уж жить ему хочется! Насчёт этого пункта этот народ – подлецы»* (Достоевский, 2008, с. 413). «Шельма» и «подлецы» в устах большего шельмы и подлеца эксплицируют иронию автора, снимая возможность сближения двух героев. Уничжительной экспрессией обладает оценка теории Раскольникова в устах Свидригайлова: *«Тут была тоже одна собственная теория, – так себе теория, – по которой люди разделяются, видите ли, на материал и на особенных людей, то есть на таких людей, для которых, по их высокому положению, закон не писан а, напротив, которые сами сочиняют законы остальным людям, материалу-то, сору-то. Ничего, так себе теория; une theorie comme une autre. Наполеон его ужасно увлек, то есть, собственно, увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали через, не задумываясь. Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, – то есть был в том некоторое время уверен. Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный. Ну а уж это для молодого человека с самолюбием и унижительно, в наш век-то особенно»* (Достоевский, 2008, с. 401-402). Трансформация в «теорию» и деформация философской, хотя и ложной, иллюзорной ценности замысла Раскольникова, выражающая циничную сущность Свидригайлова, лишает возможности восприятия его как личности загадочной и способной к духовному исцелению, выявляя его противоположность главному герою романа.

Циничное и ироничное суждение Свидригайлова: *«Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности. А помните, как много мы в этом же роде и на эту же тему переговорили с вами вдвоем, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина. Еще вы меня именно этой широкостью укоряли»* (Достоевский, 2008, с. 402) – являет новый аргумент в разрешении спора о загадке Свидригайлова и двойнике Раскольникова и открывает новый контекст «Другого».

Еще один контекст, способствующий разрешению загадки Свидригайлова и проблеме двойника, это проблема «Америка Свидригайлова» как его «Другого», воплощающего его путь в вечность. Философия и событие самоубийства в связи с темой Америки неоднократно рассматривались исследователями. Америка, символизирующая не возрождение, а окончательный разрыв с родиной, утрату духовных ориентиров, метафору небытия, бегства от морального долга обусловлена тем, что Достоевский противопоставляет социалистическому представлению о Западе как пространстве свободы и прогресса концепцию русского пути, основанного на духовном возрождении (Байтурина, 2025, с. 151). Важным в американском тексте является отношение писателя к Западу, в том числе Наполеону. Бонапартизм Раскольникова дополняет противопоставление православной России как места духовного возрождения преступника Америке как символу духовного самоубийства. Байтурина отмечает образование топонимами – Америка, Россия, Европа и Сибирь – нового для писателя и современной ему литературы сюжета. Америка – пространство духовной смерти, результат утраты Родины, неспособности понять народную веру в Христа. Здесь скрыта критика писателем западных ценностей и концепция духовного преображения преступника как формулы русской идентичности.

Ю. Лукин видит в американском тексте Свидригайлова упрощенное и циничное решение в духе гамлетизма: *«... до определённого времени ему кажется, что просто быть лучше, чем не быть. Небытие для него — это инобытие в комнате с пауками»* (Лукин, 2006: 28). Милентиевич называет «тайны вечности и гроба», премирность вещей и нуменальность внехристианского порядка» (Милентиевич, 2023, с. 244). Однако Америка

Свидригайлова – явление полифонически организованное, являющееся одним из проявлений множественности «Другого» героя. Множественность значений Америки проявляется в коммуникации героя с другими. Раскольникову он дает совет: *«Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало, в своё удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек!»* (Достоевский, 2008, с. 396). Здесь иронический парафраз Америки как «удовольствия», комфорта жизни. В откровении о жизни с Марфой Петровной: *«За границу я прежде ездил, и всегда мне тошно бывало»* (Достоевский, 2008, с. 233) – Америка есть символ заграницы и чужого мира, способ самоспасения и бегства от экзистенциального одиночества. В признании Дуне: *«... да еще думал обоюдное счастье устроить!»* (Достоевский, 2008, с. 230) – Америка становится иллюзией брака как надежды на восстановление утраченной целостности.

Проявление Америки Свидригайлова как его «Другого» заявлено на уровне семантического параллелизма номинаций. Его первая остановка на пути в Америку гостиница «Адрианополь». Ученые пишут об этимологии названия гостиницы, именуемой в честь римского императора Адриана, по преданию гонителя христиан и виновника мученической смерти святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. По мнению Ренанского, «Адрианополь» как бы сближает два топоса – город уже павшей Римской империи и еще исполненный эфемерного величия имперский Петербург» (Ренанский, 2015, с. 102). Но именно здесь происходит осознание героя: от ада в себе бежать некуда. И что надо искать какую-то другую «Америку», «какое-то другое, хорошее место. Хорошее место вскоре нашлось» (Ренанский, 2015, с. 264).

Название гостиницы можно рассматривать как неизученный контекст двойничества в романе и «Другого» героя в параллели с этимологией имени «Аркадий», вызывающего ассоциации с райскими кущами и землей обетованной, которую искал герой, но которую не суждено найти в наказание за грехи уже здесь, в земном существовании. Америка как Другой Свидригайлова – это поиск обетованной земли и возвращения героя в вечность. Так, Америка выявляет двойничество в теме смерти и исхода жизни героя в самоубийство. Таким образом, американский сюжет Свидригайлова в контексте двойничества приобретает смысл чужого края как

поиска обетованной земли и возвращения героя в вечность.

Тема ада/вечности и самоубийства также неоднозначно решается учеными. Интересна точка зрения сербского ученого: «...он прорывает зачарованный круг дурной бесконечности и беспрестанного надругательства. Надморальность и иступляющая сила противоречий в его последнем сне заостряются и ставят его перед крайностью, через которую, несмотря на весь титанизм, он не может переступить» (Милентиевич, 2023, с. 252). Спорным представляется тезис ученого о переживаемом героем кризисе, признаки которого он видит в галлюцинациях оппонента и двойника Раскольникова: «он так и уходит из жизни, неприкаянным, не обретшим покоя» (Милентиевич, 2023, с. 253) – звучит рефреном к словам Раскольникова на каторге: *«Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти?»* (Достоевский, 2008, с. 445). Однако этот период, когда главный герой переживает сожаление о признании в убийстве, оценивает теорию как не лишенную права на существование, он избегает встреч с Соней, перестает писать Дуне, Разумихину и матери. Поэтому его отношение к самоубийству Свидригайлова, скорее, вопрос, адресованный к себе и ответ на заданный однажды самоубийце вопрос: *«А Вы могли бы застрелиться?»*. Или слова Ильи Петровича, циничные с позиции смерти человека: *«Ну да, недавно приехал, жены лишился, человек поведения забубенного, и вдруг застрелился, и так скандально, что представить нельзя... оставил в своей записной книжке несколько слов, что он умирает в здравом рассудке и просит никого не винить в его смерти»* (Достоевский, 2008, с. 434).

Самоубийство от скуки: *«А, вот вы куда! Я согласен, что это болезнь, как и все переходящее через меру, – а тут непременно придется перейти через меру, – но ведь это, во-первых, у одного так, у другого иначе, а во-вторых, разумеется, во всем держи меру, расчет, хоть и подлый, но что же делать? Не будь этого, ведь так застрелиться, пожалуй, пришлось бы. Я согласен, что порядочный человек обязан скучать, но ведь, однако ж...»* (Достоевский, 2008, с. 383) – это не более, чем фронда в устах Свидригайлова, игра, которой он стремится завуалировать страх перед смертью. Самоубийство Свидригайлова – трансгрессивный феномен, который объясняет смыслопорождение романа в его финале.

Отдельно следует упомянуть изображение Свидригайлова в аспекте двойничества, допол-

няющего картину множественности «Другого». Во-первых, это многократно исследованные три портрета Свидригайлова, проливающие свет на различия Раскольникова и Свидригайлова. О сочетании в образе героя религиозного и языческого пишет сербский ученый (Милентиевич, 2023). На проявление дьявольского и антихристового указывает третий портрет героя романа «Преступление и наказание»: *«его странное лицо напоминает маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами»* (Достоевский, 2008, с. 427). Взгляд героя *«как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице»* (Достоевский, 2008, с. 381). Взгляд *«воспаленно-страстный. Злобная и насмешливая улыбка ...на дрожавших еще губах его»* (Достоевский, 2008, с. 404), *«искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния»* (Достоевский, 2008, с. 407) – это желание самоспасения с помощью Дуни, являющейся олицетворением духовной и нравственной целостности.

Другой Свидригайлова изображен автором романа в снах и видениях как картине двойничества. Исследователь отмечает присутствие метафизической реальности как сублимации воображения героя и атрибутирует онейрический текст (Юрьева, 2022, с. 4).

Три видения с Марфой Петровной, признание: *«Я редко лгу»* (Достоевский, 2008: 235), описание комнаты в гостинице, *«где-то в углу скребла мышь, да и во всей комнате будто пахло мышами и чем-то кожаным»*, чувств: *«Он лежал и словно грезил: мысль сменялась мыслью. Казалось, ему очень бы хотелось хоть к чему-нибудь особенно прицепиться воображением»* (Достоевский, 2008, с. 413) и: *«...ему опять как бы стало холодно, как давеча, когда он стоял над водой»* (Достоевский, 2008, с. 413) – усиливает аллюзию на смерть. Рассмотрение образа Свидригайлова для прояснения загадки героя, его роли двойника Раскольникова в аспекте категории «Другого» и множественности проявлений «Другого» героя представляет новый подход в изучении амбивалентности, двойничества и полифонизма в поэтике Достоевского.

Заключение

Предпринятая в статье трактовка амбивалентности героя и двойничества, полифонизма Достоевского с позиции множественности «Другого» Свидригайлова опирается на применение

аксиологического, структурно-семиотического и герменевтического методов. Полученные результаты, призванные обозначить отношение к загадке Свидригайлова и проблеме двойника, обозначили роль категории «Другого» героя и установление связи множественности «Другого» Свидригайлова с пониманием главных черт метода писателя.

Анализ восприятия героя участниками событий, авторефлексии, авторской позиции – как контекста «Другого» Свидригайлова – позволил, во-первых, охарактеризовать загадку героя в духе амбивалентности и как феномен «трансгрессии». Помимо деструктивного смысла трансгрессии – страха героя перед возмездием и расплатой за совершенные грехи, безумия, раздвоения личности – трансгрессия определяет смыслопорождение романа. Оно касается утверждения сакрального. Сакральный смысл религиозно-мифологической утопии писателя заключается в возможности духовного преображения преступника при условии понимания обретения им веры. Антиномия веры главного героя и безверия двойника с позиций странничества, в синтезе концептов «падение», «преображение», «воскресение» и Иов-ситуации показывает преобладание разрушительной силы зла в Свидригайлове и его неспособность к духовному воскресению.

Изучение оценок самоубийцей теории студента выявляет отношение к проблеме двойника в таком аспекте «Другого» Свидригайлова, как мнение самоубийцы о теории преступника. Противоположность героев обусловлена искажением «шиллеровщины» студента и пренебрежением онтологической ценности, хотя и ложной, замысла Раскольникова. Так писатель являет еще один аргумент о неспособности Свидригайлова к духовному преображению и нивелирует восприятие его как загадочной личности. Формула русской идентичности построена на мысли писателя о ее кризисе и восстановлении утраченной духовной целостности, условий возрождения преступника. Опровержение толкования Свидригайлова о русских людях и их чрезмерной широте являет двойника в парафразистическом осмыслении автора.

Проблема «Америка Свидригайлова» как его «Другого» обнаруживает амбивалентность героя и двойничество в метафоре путешествия в вечность. Полифоническая структура американского текста обусловлена тем, что с каждым из героев у Свидригайлова своя Америка. Значима в полифонизме Америки и семиотика но-

минаций – названия гостиницы в ночь сведения счетов с жизнью и имени героя. Американский сюжет Свидригайлова в контексте двойничества приобретает смысл завершения его исканий. Цикл хождений героя замкнулся у пожарной каланчи. Так, рассмотрение темы смерти доказывает, что самоубийство Свидригайлова – трансгрессивный феномен, который объясняет смыслопорождение романа в его финале как неспособность героя к возрождению и сводит смысл его двойничества к альтернативному пути и высшему выражению неискупленного и неискупаемого греха и вины.

Проблема «Другого» Свидригайлова в авторском изображении включает динамику разных смыслообразующих портретов, видений, кошмаров как иррациональной действительности, содержит аллюзию на смерть. Так метафизика личности и самоубийства завершает раскрытие двойничества героя.

Подтверждение истинности выдвинутых положений направлено на открытие новых перспектив в исследовании амбивалентности и двойничества, традиционно соотносившихся с образом Раскольникова, выработку новых подходов к изучению метода писателя и понимания особенностей реализма в свете трансгрессивно-феномена и феномена скитальчества.

К.Б. Уразаева – разработка концепции и методологии исследования, формулирование цели и задач, проведение аксиологического, структурно-семиотического и герменевтического

анализа, интерпретация полученных результатов, подготовка первоначального текста статьи. Т.Н. Туржанова – сбор и систематизация научной литературы, анализ исследовательских подходов к образу Свидригайлова, уточнение теоретических положений, редактирование и содержательная доработка рукописи. Все авторы приняли участие в обсуждении результатов исследования, ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее к публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

К.Б. Уразаева разработала концепцию и методологию исследования, сформулировала его цель и задачи, провела аксиологический, структурно-семиотический и герменевтический анализ, интерпретировала полученные результаты и подготовила первоначальный текст статьи. Т.Н. Туржанова осуществила сбор и систематизацию научной литературы, проанализировала исследовательские подходы к образу Свидригайлова, уточнила теоретические положения, отредактировала и содержательно доработала рукопись. Авторы совместно обсудили результаты исследования, ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее к публикации.

Литература

- Мочульский, К. В. (1980). *Достоевский: жизнь и творчество*. Париж.
- Назирова, Р. (2021). Загадка Свидригайлова. К 200-летию Ф. М. Достоевского. *Бельские просторы*, 10. <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-10-15/10-2021-romen-nazirov-zagadka-svidrigaylova-k-200-letiyu-f-m-dostoevskogo-2548382>
- Касаткина, Т. А. (2003). Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». *Вопросы литературы*, 1, 16–35.
- Манолов, Х. (2007). Сюжет Свидригайлова: текст и контекст. *Достоевский и мировая культура. Альманах*, 22, 156–187.
- Лодзинский, В. Э. (1992). «Тайна» Свидригайлова: одна из «поворотных вех» в работе Достоевского над романом «Преступление и наказание». *Достоевский. Материалы и исследования*, 10, 63–76.
- Тихомиров, Б. Н. (2011). Другой Свидригайлов: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы). В *Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения* (Вып. 25, с. 141–152). Восточно-Сибирская государственная академия образования.
- Лукин, Ю. (2006). Трагедия Свидригайлова. *Литература*, 4, 28. <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200600411>
- Халфин, Ю. (2006). Два Свидригайлова. *Литература*, 4, 17. <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200600412>
- Сараскина, Л. И. (2010). Америка как миф и утопия: бегство в никуда. В *Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры* (с. 133–146). Прогресс-Традиция.
- Кибальник, С. А. (2021). Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского. *Литература двух Америк*, 11, 8–33. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33>
- Габдуллина, В. И. (2006). *Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: учебное пособие*. БГПУ.
- Байтурина, У. К., & Шоманова, Г. К. (2025). Американский текст Ф. Достоевского. Идея и сюжет как открытия реализма. *Вестник ЕАГИ им. А. К. Кушаинова*, 3, 147–154.

- Вэньин, М. (2016). Аркадий Иванович Свидригайлов – герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете антропонимики. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение*, 2, 423–436.
- Милентиевич, Л. (2023). «На пороге вечности»: метафизика образа Свидригайлова. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 4(24), 237–258. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-237-258>
- Ренанский, А. Л. (2015). *Очерки поэтики Достоевского*. БГУКИ.
- Фаленкова, Е. В. (2011). Феномен духовного странничества в творчестве Л. Н. Толстого и культурно-философском контексте XIX – начала XX века. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 2, 140–146.
- Ковалев, О. А. (2006). Проблема другого в творчестве Ф. М. Достоевского: нарратологический аспект. В *Нарративные традиции славянских литератур (Средневековье и Новое время)* (с. 157–160). КемГУ. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-drugogo-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-narratologicheskii-aspekt/viewer>
- Рябчинский, Н. В. (2021). Другой в религиозно-экзистенциальной мысли Ф. М. Достоевского. *Философические письма. Русско-европейский диалог*, 4(4), 128–142. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-128-142>
- Мастюгина, О. С. (2008). «Другой» и «чужой» как два образа восприятия человека в творчестве Достоевского и Ницше. В *Вызовы глобализации и перспективы человека в современном мире* (Т. 2, с. 288–290). Издательство Уральского университета.
- Мастюгина, О. С. (2012). «Пожертвовать Богом за Ничто»: категория утраты в философской мысли XIX–XX вв. В *Философия. XX век: рубеж столетий* (с. 21–25). Ажур. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/28153>
- Меринов, В. Ю. (2010). Приемы создания концепта «другие» в философской публицистике Ф. М. Достоевского. *Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки*, 12(83), 107–118.
- Юрьева, О. Ю. (2022). «Особый шарм» Аркадия Ивановича Свидригайлова. *Неизвестный Достоевский*, 9(4), 199–213. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2022.6521>
- Достоевский, Ф. М. (2008). *Собрание сочинений: Преступление и наказание: роман*. Мир книги; Литература.
- Фаритов, В. Т. (2017). Семиотика трансгрессии: Ю. М. Лотман как литературовед и философ. *Вестник Томского государственного университета*, 419, 60–66. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/7>
- Смирнов, М. Ю. (2023). Порождение смыслов и символов в трансгрессии, смыслопорождение в трансгрессии. *Вестник Омского университета*, 28(4), 36–43. [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28\(4\).36-43](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28(4).36-43)
- Шахназарян, Н. О. (2014). Специфика страдания Аркадия Ивановича Свидригайлова и Петра Петровича Лужина (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). *Молодой ученый*, 17(76), 617–621. <https://moluch.ru/archive/76/12965>

References

- Baiturina, U. K., & Shomanova, G. K. (2025). Amerikanskii tekst F. Dostoevskogo. Ideya i syuzhet kak otkrytiya realizma [Fyodor Dostoevsky's American text: Idea and plot as discoveries of realism]. *Vestnik EAGI im. A. K. Kusainova*, 3, 147–154. (In Russian)
- Dostoevskii, F. M. (2008). *Sobranie sochinenii: Prestuplenie i nakazanie: Roman* [Collected works: Crime and Punishment: A novel]. Mir knigi; Literatura. (In Russian)
- Falenkova, E. V. (2011). Fenomen dukhovnogo strannichestva v tvorchestve L. N. Tolstogo i kulturno-filosofskom kontekste XIX – nachala XX veka [The phenomenon of spiritual wandering in L. N. Tolstoy's works and in the cultural-philosophical context of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 2, 140–146. (In Russian)
- Faritov, V. T. (2017). Semiotika transgressii: Yu. M. Lotman kak literaturoved i filosof [Semiotics of transgression: Yu. M. Lotman as a literary scholar and philosopher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 419, 60–66. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/7> (In Russian)
- Gabdullina, V. I. (2006). *Motiv bludnogo syna v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo i I. S. Turgeneva: Uchebnoe posobie* [The motif of the prodigal son in the works of F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev: A teaching manual]. BGPU. (In Russian)
- Kasatkina, T. A. (2003). Voskreshenie Lazarya: Opyt ekzegeticheskogo prochleniya romana F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” [The resurrection of Lazarus: An exegetical reading of F. M. Dostoevsky's novel Crime and Punishment]. *Voprosy literatury*, 1, 16–35. (In Russian)
- Khalfin, Yu. (2006). Dva Svidrigailova [Two Svidrigailovs]. *Literatura*, 4, 17. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600412> (In Russian)
- Kibalnik, S. A. (2021). Metafora svobody ili allegoriya samoubiistva? “Amerika” v khudozhestvennom mire Dostoevskogo [A metaphor of freedom or an allegory of suicide? “America” in Dostoevsky's artistic world]. *Literatura dvukh Amerik*, 11, 8–33. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33> (In Russian)
- Kovalev, O. A. (2006). Problema drugogo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: Narratologicheskii aspekt [The problem of the Other in F. M. Dostoevsky's works: A narratological aspect]. In *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur (Srednevekov'e i Novoe vremya)* [Narrative traditions of Slavic literatures: The Middle Ages and modern times] (pp. 157–160). KemGU. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-drugogo-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-narratologicheskii-aspekt/viewer> (In Russian)
- Lodzinskii, V. E. (1992). “Taina” Svidrigailova: Odnaz iz “povorotnykh vekh” v rabote Dostoevskogo nad romanom “Prestuplenie i nakazanie” [“The mystery” of Svidrigailov: One of the turning points in Dostoevsky's work on the novel Crime and Punishment]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*, 10, 63–76. (In Russian)
- Lukin, Yu. (2006). Tragediya Svidrigailova [Svidrigailov's tragedy]. *Literatura*, 4, 28. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600411> (In Russian)
- Manolakev, H. (2007). Syuzhet Svidrigailova: Tekst i kontekst [Svidrigailov's plotline: Text and context]. *Dostoevskii i mirovaya kultura. Almanakh*, 22, 156–187. (In Russian)

Mastyugina, O. S. (2008). “Drugoi” i “chuzhoi” kak dva obraza vospriyatiya cheloveka v tvorchestve Dostoevskogo i Nitsche [“The other” and “the alien” as two images of the perception of the human being in the works of Dostoevsky and Nietzsche]. In *Vyzovy globalizatsii i perspektivy cheloveka v sovremennom mire* [Challenges of globalization and human prospects in the modern world] (Vol. 2, pp. 288–290). Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russian)

Mastyugina, O. S. (2012). “Pozhertvovat’ Bogom za Nichto”: Kategoriya utraty v filosofskoi mysli XIX–XX vv. [“To sacrifice God for Nothing”: The category of loss in philosophical thought of the nineteenth and twentieth centuries]. In *Filosofiya. XX vek: Rubezh stoletii* [Philosophy. The twentieth century: The turn of centuries] (pp. 21–25). Azhur. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/28153> (In Russian)

Merinov, V. Yu. (2010). Priemy sozdaniya kontsepta “drugie” v filosofskoi publitsistike F. M. Dostoevskogo [Techniques for creating the concept of “others” in F. M. Dostoevsky’s philosophical journalism]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 12(83), 107–118. (In Russian)

Milentievich, L. (2023). “Na poroge vechnosti”: Metafizika obraza Svidrigailova [“On the threshold of eternity”: The metaphysics of Svidrigailov’s image]. *Dostoevskii i mirovaya kultura. Filologicheskii zhurnal*, 4(24), 237–258. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-237-258> (In Russian)

Mochulskii, K. V. (1980). *Dostoevskii: Zhizn’ i tvorchestvo* [Dostoevsky: Life and works]. Paris. (In Russian)

Nazirov, R. (2021). Zagadka Svidrigailova. K 200-letiyu F. M. Dostoevskogo [The enigma of Svidrigailov: On the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky]. *Belskie prostory*, 10. <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-10-15/10-2021-romen-nazirov-zagadka-svidrigailova-k-200-letiyu-f-m-dostoevskogo-2548382> (In Russian)

Renanskii, A. L. (2015). *Ocherki poetiki Dostoevskogo* [Essays on Dostoevsky’s poetics]. BGUKI. (In Russian)

Ryabchinskii, N. V. (2021). Drugoi v religiozno-ekzistentsialnoi mysli F. M. Dostoevskogo [The Other in F. M. Dostoevsky’s religious-existential thought]. *Filosoficheskie pisma. Russko-evropeiskii dialog*, 4(4), 128–142. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-128-142> (In Russian)

Saraskina, L. I. (2010). Amerika kak mif i utopiya: Begstvo v nikuda [America as myth and utopia: Escape into nowhere]. In *Ispytanie budushchim. F. M. Dostoevskii kak uchastnik sovremennoi kultury* [Tested by the future: F. M. Dostoevsky as a participant in contemporary culture] (pp. 133–146). Progress-Traditsiya. (In Russian)

Shakhnazaryan, N. O. (2014). Spetsifika stradanii Arkadiya Ivanovicha Svidrigailova i Petra Petrovicha Luzhina (po romanu F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie”) [The specificity of the suffering of Arkady Ivanovich Svidrigailov and Pyotr Petrovich Luzhin in F. M. Dostoevsky’s novel Crime and Punishment]. *Molodoi uchenyi*, 17(76), 617–621. <https://moluch.ru/archive/76/12965> (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2023). Porozhdenie smyslov i simvolov v transgressii, smysloporozhdenie v transgressii [The generation of meanings and symbols in transgression, meaning-making in transgression]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 28(4), 36–43. [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28\(4\).36-43](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28(4).36-43) (In Russian)

Tikhomirov, B. N. (2011). Drugoi Svidrigailov: Neosushchestvlennyi zamysel Dostoevskogo nachala 1867 goda (nablyudeniya i gipotezy) [Another Svidrigailov: Dostoevsky’s unrealized plan from early 1867: Observations and hypotheses]. In *Tri veka russkoi literatury: Aktualnye aspekty izucheniya* [Three centuries of Russian literature: Topical aspects of study] (Vol. 25, pp. 141–152). Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya obrazovaniya. (In Russian)

Venin, M. (2016). Arkadii Ivanovich Svidrigailov – geroi romana F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v svete antroponimiki [Arkady Ivanovich Svidrigailov as a character in F. M. Dostoevsky’s novel Crime and Punishment in the light of anthroponymy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie*, 2, 423–436. (In Russian)

Yureva, O. Yu. (2022). “Osobyi sharm” Arkadiya Ivanovicha Svidrigailova [The “special charm” of Arkady Ivanovich Svidrigailov]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 9(4), 199–213. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2022.6521> (In Russian)

Сведения об авторах:

Уразаева Куралай Бибиталыевна – доктор филологических наук, доцент, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, e-mail: kuralay_uraz@mail.ru).

Туржанова Тамара Нурмухамбетовна – PhD-докторант, старший преподаватель, Евразийский гуманитарный институт имени А.К. Кусаинова (Астана, Казахстан, e-mail: tturzhanova@gmail.com).

Information about the authors:

Urazayeva Kuralay – Doctor of Philology, Associate Professor L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: kuralay_uraz@mail.ru).

Turzhanova Tamara – PhD Student, Senior Lecturer, A.K. Kussayinov Eurasian Humanities Institute (Astana, Kazakhstan, e-mail: tturzhanova@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Уразаева Куралай Бибиталыевна – филология ғылымдарының докторы, доцент, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан, e-mail: kuralay_uraz@mail.ru).

Туржанова Тамара Нурмухамбетовна – PhD докторант, аға оқытушы, А.К. Кұсайынов атындағы Еуразия гуманитарлық институты (Астана, Қазақстан, e-mail: tturzhanova@gmail.com).

Поступила: 1 июля 2026 г.
Принята: 10 сентября 2026 г.